

Мой путь к Валентине Талызиной оказался долгим. Мы договаривались о встрече около полугодом, перезваниваясь из месяца в месяц и отодвигая сроки: «Вот выпустим «Лолиту», тогда и поговорим...». Наконец «Лолита» сыграна, и в первое же свободное утро меня приглашают в известный кооперативный дом СТД на улице Герцена. Именно перед моим появлением в квартире Талызиной отказал дверной звонок. А когда мне все-таки удалось проникнуть внутрь, надежды на спокойную беседу разлетелись окончательно: здесь упорно не умолкал телефон, суетился в подвешенном фартуке вчерашний Гумберт-Гумберт, он же Олег Исаев. Хозяйка дома и ее дочь Ксюша пребывали в изгнано-легкомысленном настроении, и только юный кот Василий, плотно позавтракав, неодобрительно взирал на постпремьерную кутерьму.

Валентина
Талызина:

«В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ У ВИКТЮКА»

— Наш разговор во многом зависел от выпуска «Лолиты», поскольку ваша принадлежность к Театру имени Моссовета в последние годы становится почти формальной.

— Я не могу сказать о театре, с которым связана много лет, что он мертв. Это было бы неэтично и, главное, не совсем справедливо. Иногда в нем пробиваются живые всплески. Болезнь практически у всех театров сейчас общая: равнодушие, аляповатость, имитация чувств. Не душевный процесс, а конвейерное производство — спектакли «на поток». В прежние времена репертуар подбирался с учетом цензурных требований, но зато в постановку вкладывали больше сил, энергии, страсти. Теперь ни тем, ни авторов запретных нет, а ставят и играют «в полном», устало, без увлеченности. И в результате на сцене опять полуправда. Мне предлагают сейчас в нашем театре роль в пьесе Уильямса «Однажды, прошлым летом». Подумаю, попробую, но не уверена, что выйдет толк. Нужен режиссер, способный забыть все ради работы. В большинстве театров таких, по-моему, нет. Даже критерии профессионализма сегодня размыты. На кого равняться, если все одинаково разболтано и занято в основном бытовыми, денежными и прочими проблемами? По-моему, сейчас работает с полной отдачей и имеет настоящий успех один Виктюк.

— Я не согласна с вашей категоричностью. На мой взгляд, Виктюк — не единственный, а один из нескольких, действительно немногих, «одержимых» режиссеров. Вы давно знакомы с Романом Виктюком, его «звезда» восходила на ваших глазах. Он дорого заплатил за свой успех!

— По максимуму. Ему никогда не было легко. Важнее театра в его жизни ничего нет. Кто-то поедет на просмотр, кто-то уляжется с книжкой на диван, я включу программу «Вести», а Роман строит личную репетицию. Исключений не бывает. Ему интересно только собственное дело.

— Вы не чувствовали себя чужой в его театре?

— Сначала чувствовала. Комплексовала ужасно. Отнеслась к «Лолите» как к очень серьезной работе. Мне было важно не опозориться, овладеть незнакомой стилистикой и сыграть свою роль, не выбиваясь из ансамбля. Но что касается формы, я совершенно не понимала, чего от меня требует Виктюк. И пластику, и настроение я просто перенимала у «его» артистов — подсматривала и обезьянничала. Увидев декорации, обомлела: неужели

и меня заставят по ним карабкаться? Роман пытался загнать меня наверх, но я отговаривалась близорукостью. Он кричал, обзывая меня пенсионеркой, советовал пить какие-то лекарства, стимулирующие мозговую деятельность, — я все стерпела. Вообще крики на репетициях были страшные. Я к такому не привыкла, всегда была «пятерочницей». Обижалась, плакала, но все ему прощала.

Теперь я ему даже благодарна: он ведь сдирал с меня штампы, добирался до моей сущности, до сердцевины. Но кое в чем я упорно стояла на своем. И на конструкции не полезла. Скажем прямо, не настолько уж я близорука, просто прекрасно понимала, что не буду «конкурентоспособной» среди остальных исполнителей — молодых и тренированных. Зато я возьму другим.

— И, по-моему, вы не прощались. Во всяком случае для меня гораздо интереснее металлических конструкций, целлофана, отточенной пластики и капризных интонаций Лолиты были искренние, душевные движения двух драматических актеров — вас и Олега Исаева.

— Видите ли, у меня было время научиться чувствовать. И у кого бы я ни играла, этого я не отдам. Для меня тоже в актерском исполнении очень важна степень сердца. Мы с вами по-разному воспринимаем спектакли Виктюка. Мне кажется, он во всем идет от души и через душу. Но добиться высокой «степени сердца», наверное, удается не от каждого актера.

— Вы не пытались спорить с Виктюком на репетициях?

— Нет. Это бесполезно. К тому же я абсолютно доверяла ему на репетициях и так же доверяю сейчас. Для очистки совести талдычу ему: «Сократи второй акт», но точно знаю, что ничего не изменится. Более того, если Роману надоест моя назойливость и он скажет: «Не лезь не в свое дело!», я не обижусь. Он потратил на меня массу сил и нервов. Не отступился, может быть, только ради нашей старой дружбы и в память «Уроков музыки». Он со мной совершенно измучился, и, думаю, я у него в спектакле в последний раз.

Стоп. На этой минорной ноте нас прервал телефонный звонок. Роман Виктюк оказался легок на помине. В импровизированном блиц-интервью он обвинил подружку юности в кокетстве, обострившемся на почве сексуальной роли, и опроверг ее пессимистические прогнозы относительно их дальнейшего творчества.

«Для нее еще найдется работа в моих спектаклях», — заверил режиссер. Итак, тема «Талызина и Виктюк» закрывается до будущих премьер.

— Последнее время вы редко снимаетесь. В чем причина? Нет спроса на «советских женщин»?

— Слава Богу, мой простой в кино завершился. Я снялась в картине Бориса Бушмелева «Наш американский Боря». Недавно состоялся ее показ в ЦДРИ. Кстати, «советская женщина» — это было не только мое амплуа. Многие замечательные наши актрисы создавали тот же самый образ. Кого бы ты ни играла, все равно, выходя на сцену или на съемочную площадку, надо, как говорила Раневская, ощущать себя королевой. А советскими женщинами мы становились дома и в магазине.

— Хотелось бы вам, вслед за театром, преодолеть теперь и в кино свой имидж «бытовой» актрисы!

— Конечно! Я даже отказалась сниматься у Рязанова в прекрасном фильме «Небеса обетованные», потому что роль, которую он мне предложил, преследует меня всю жизнь. Хватит, не хочу больше играть хабалок.

Сейчас не стоит переживать из-за того, что мало снимают. Ведь вообще выпускается небольшое количество картин. Как только кинематограф перестал быть государственным, денежный поток мгновенно иссяк. А частные фирмы и предприниматели долго прикидывают, прежде чем вложить свои средства в новый фильм. Среди режиссеров происходит естественный отбор — кого будут финансировать, кого — нет.

— Но этот отбор может оказаться несправедливым. Наличие денег еще не гарантирует наличие вкуса.

— В какой-то степени вы правы. Хотя мне кажется, наш кинематограф в лучших своих проявлениях достигает сейчас высочайшего уровня. Но вот летом я была на фестивале «Киношок» в Анапе и во всей конкурсной программе отметила для себя буквально два-три фильма. Масса картин, преследующих единственную цель — «самовыразиться», вернуться наизнанку, навязать зрителю свои сугубо личные проблемы. Не понимаю, кто и зачем раскошелился на эти творения?

— Но в целом, говорят, фестиваль удался!

— Он был идеально организован. Это, разумеется, заслуга художественного руководителя Сергея Новожилова. И мы на «Киношоке» грелись в лучах его симпатии. Каждый ощущал не только свою необ-

ходимость, но и какую-то особую ценность. На «Киношоке» все очень ладно сочеталось. С одной стороны — лето, море, хорошая компания, интересные экскурсии, поездки в виноградарский совхоз. А с другой — жесткая программа. Председателем жюри был опять же Роман Виктюк. Он не мог никому «подсудить», поскольку практически ни с кем не знаком.

— Знаю, что вы готовите программу по стихам Зинаиды Гиппиус. Почему ваш выбор пал именно на нее?

— Стихи начались, когда не стало работы в театре. Я всегда много ездила, встречалась со зрителями и искала какую-то нетипичную форму общения. Терпеть не могу так называемых актерских «баек». Чувствую, когда читаю стихи, как замирает зал... А Гиппиус? Благодаря ей я стала ориентироваться в «серебряном веке», многое перечитала, добралась до философии. Готовлю передачу на телевидении. Она будет художественно-документальной. Уже сняли в Белеве, Устюге, Ялте, Петербурге.

Мы ищем подлинную Россию. Ведь Зинаида Гиппиус была действительно русской женщиной. Тонкой, умной, обладавшей даром предвидения. Некоторые из ее мыслей сегодня очень актуальны. Для нас не важно, была ли она резкой, желчной, иногда даже злой, не важно, кого она принимала в своем салоне, кому отказывала от дома. Вполне возможно, что она — не лучший поэт «серебряного века». Но ее боль за Россию не может не тронуть. Так же, как главная тема ее поэзии — тема жизни и смерти. Отец Гиппиус умер от туберкулеза, у нее самой были большие легкие. Отсюда такое обостренное чувство пограничности бытия и небытия.

— Вы погружены в работу, итоги подводить некогда, но все-таки: как вы оцениваете свою творческую судьбу, оглядываясь назад?

— Думаю, она состоялась. Именно потому, что я до сих пор работаю, до сих пор кому-то нужна. Я занимала и в театре, и в кино очень небольшую нишу. Далеко не в каждой роли доходила до сути. Многого вообще не сыграла, что сплошь и рядом случается в нашей профессии. Поэтому и люблю встречаться со зрителями. Так я могу осуществить свои несыгранные мечты.

— Ваши взаимоотношения со зрителями всегда складывались гладко!

— Нет. Бывали случаи, когда зал мне не подчинялся. Я с одорожением вспоминаю свое выступление в детской колонии. Сидят настороженные, замкнутые и не верят ни одному моему слову. В такие моменты вдруг начинаешь смотреть на себя их глазами. И видишь себя с самой неприглядной стороны. Ужасное чувство... Надо отвлечься. Пойдем-ка пить чай. Мне подарил к премьере сногшибательную коробку конфет.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.
Фото С. Силезнева.